

А. Л. ВОЛЫНСКИЙ

Литературные заметки

III

Г-н Чехов написал два новых рассказа, о которых стоит сказать несколько слов: «Палата № 6» и «Рассказ неизвестного человека». Оба любопытны по содержанию, по художественной обработке, оба выделяются среди бесцветных беллетристических произведений наших дней своими заметными литературными достоинствами. «Палата № 6» — лучшее произведение г-на Чехова после «Скучной истории»: краски роскошны, характеристики действующих лиц поражают своею меткостью, все подробности, случайные аксессуары хорошо дополняют общую, мрачную картину рассказа. Это русский пейзаж, русская этнография, в живых лицах, обрисованных пером талантливого человека, это русский быт в художественной миниатюре, со всеми оттенками бескультурности, умственного невежества, интеллигентного бессилия. Г-н Чехов ничего не преувеличивает и, не прибегая к утрировке ради каких-нибудь посторонних, публицистических целей, ведет свой рассказ с искусством и простотою настоящего артиста. Ни единого фальшивого штриха, ни одного ложного слова. Все люди живы, все события соединены между собою неразрывною логическою связью, все разговоры полны содержания, смысла. Повсюду, в мельчайших подробностях — печать ума простого, ясного, презирающего ходульные эффекты, неестественную, риторическую декламацию, хорошо владеющего самим собою, своими прирожденными способностями.

Но чем дольше вы приглядываетесь к выдающимся художественным качествам повести, к ее правдивому, жизненному колориту, мягким штрихам оригинального и смелого рисунка, тем глубже проникаете в ее скрытую психологию, тем яснее

перед вами обрисовывается узкая тенденция автора. Г-н Чехов глядит на вещи сквозь призму ума простого, ясного, но не сильного, не волнуемого идеями широкими, смелыми. Обладая подвижным и выдающимся поэтическим талантом, г-н Чехов не обладает тою нервною чуткостью, которая позволяет писателю, даже при скромном образовании, ограниченном научном кругозоре, улавливать свежие струи жизни, откликаться на высшие запросы мысли, создавать оригинальные, художественные фигуры, не повторяя образов уже известных, старых, не подражая никому. Во всех произведениях г-на Чехова, в лучших и в худших, видно какое-то творческое недомогание, отсутствует ширина замысла, сложная компоновка лиц и бытовых условий жизни. События развиваются с логическою верностью, но чересчур быстро, не выступая во всей полноте, действующие лица, очерченные превосходно, с шиком, почти виртуозно, заталкиваются автором в чересчур тесную, узкую рамку, сюжет всегда отрывочен, недоделан, разработан более или менее поверхностно, поспешно, с какою-то дилетантскою беспечностью. Блестящие внешние краски, выразительный язык, богатство поэтических нюансов, и при этом — ординарное умение углубляться в предмет, охватывать жизнь широким взглядом мыслящего художника, со всею ее запутанною психологиею, борьбою страстей, характеров, развертывать перед читателем настоящие картины любви, быта, общественных стремлений. Г-н Чехов пишет миниатюры, коротенькие новеллы, случайные эскизы. У него все внешние средства крупного дарования при ограниченном философском кругозоре, при совершенном отсутствии внутреннего жара, вдохновенных порывов, поэтически возвышенной мечты о людях, об искусстве, о литературе. За легкими, бойкими, смелыми описаниями, которыми изобилуют его произведения, за меткими, удачными характеристиками, которые в них рассыпаны повсюду, мы не видим живого художнического увлечения, интеллигентной натуры со светлыми настроениями, внутреннего кипения чувств, мыслей. Это смелые наброски умного, но неглубокого художника. Это проблески симпатичного таланта, страдающего скучностью идей, замыслов, с небольшим запасом наблюдений в определенном направлении, без широкой психологической перспективы...

«Палата № 6» своею внутреннею, скрытою тенденциею дает прекрасное освещение нашим словам. Пред нами все выдающиеся достоинства и недостатки г-на Чехова. Ни у одного из других наших молодых писателей мы не встретим такого великолеп-

ного сочетания резких красок и художественной простоты, такого тонкого психологического анализа, таких потрясающих драматических подробностей. В целом рассказе нет ни одной крикливой ноты, все штрихи расположены с удивительною симметриею, все диалоги проникнуты сдержанною логической силой. Все от начала до конца выдержано по стилю, все детали, рисуясь в мягком, ровном, поэтическом освещении, ни на минуту не раздражают вас никакими неожиданными, банальными эффектами. Легко узнать г-на Чехова: ярко, смело, просто, не ворочая безумными глазами направо и налево, не угождая никому, не пригибаясь ни к каким искусственным требованиям, г-н Чехов ведет свой рассказ умно и талантливо.

И тем не менее идея «Палаты» нам кажется узкою и фальшивою.

Мы в больнице для умалищенных. В комнате стоят кровати, привинченные к полу, на которых сидят и лежат люди в синих больничных халатах и колпаках¹. Их здесь пять человек — один благородного звания, остальные мещане. Вот сумасшедший, страдающий прогрессивным параличом. Высокий, худощавый, с рыжими блестящими усами и с заплаканными глазами, он день и ночь грустит, покачивая головой, вздыхая и горько улыбаясь. Вот маленький, живой старик, с острой бородкою и черными, кудрявыми, как у негра, волосами. Днем он прогуливается по палате от окна к окну, или сидит на своей постели, поджав по-турецки ноги и неугомонно насищивает, тихо поет и хихикает. Направо от этого старика — Иван Дмитриевич Громов, мужчина лет тридцати трех, бывший судебный пристав, страдающий манией преследования. Он или лежит на постели, свернувшись калачиком, или же ходит их угла в угол, как бы для мюциона. Громов всегда возбужден, взволнован, напряжен каким-то мутным неопределенным ожиданием. Гrimасы его странны, болезненны, но тонкие черты его лица, оттененные глубоким, искренним страданием, разумны и интеллигентны. «Мне нравится, — пишет автор, — его скучающее лицо, всегда бледное и несчастное, отражающее в себе, как в зеркале, замученную борьбою и продолжительным страхом душу. Нравится мне он сам, вежливый, услужливый и необыкновенно деликатный. Когда кто-нибудь роняет пуговку или ложку, он быстро вскакивает с постели и поднимает. Каждое утро он поздравляет своих товарищ с добрым утром, ложась спать — желает им спокойной ночи». Сумасшествие его выражается еще в следующем. По вечерам он иногда запахивается в свой халатик и, дрожа всем

телом, стуча зубами, начинает быстро ходить между кроватей. Вдруг он остановится, взглянет на товарищей, вдруг встряхнет головой и пойдет шагать дальше. Но скоро желание говорит берет, по-видимому, верх над всякими соображениями, и он дает себе полную волю. «Речь его беспорядочна, лихорадочна, как бред, порывиста и не всегда понятна, но зато в ней слышится, и в словах, и в голосе, что-то чрезвычайно хорошее. Трудно передать на бумаге его безумную речь. Говорит он о человеческой подлости, о насилии, попирающем правду, о прекрасной жизни, какая со временем будет на земле, об оконных решетках, напоминающих ему каждую минуту о тупости и жестокости насильников. Получается беспорядочное, нескладное попурри из старых, но еще недопетых песен». Неподалеку от Громова — оплывший жиром, почти круглый мужик с тупым, совершенно бессмысленным лицом. Неподвижный, обжорливый и нечистоплотный, он давно уже потерял способность мыслить и чувствовать. Сторож Никита, убирающий за ним, бьет его страшно, со всего размаха, и он не отвечает на побои ни звуком, ни движением, а только слегка покачивается, как тяжелая бочка... Последний обитатель палаты № 6 — маленький худощавый блондин с добрым, но несколько лукавым лицом. У него есть под подушкой что-то такое, чего он никому не показывает — не из страха, а из стыдливости. Иногда он подходит к окну и, обернувшись к товарищам спиной, надевает себе что-то на грудь и смотрит, нагнув голову. Если в это время подойти к нему, он сконфузится и сорвет что-то с груди. Несчастный маньяк, бывший когда-то сортировщиком на почте, убежден в том, что он в скором времени получит орден «Полярную Звезду», белый крест и черную ленту. Таковы все обитатели палаты № 6. Между ними Громов самый интересный. Автор рассказывает довольно подробно историю его прошлой жизни, каким образом он попал в больницу. Громов, даже в молодые студенческие годы, не производил впечатления здорового человека. Он был всегда бледен, худ, подвержен простуде, мало ел, дурно спал. От одной рюмки вина у него кружилась голова. Благодаря раздражительному характеру, он ни с кем не сходился близко и не имел друзей. Говорил он громко, горячо, всегда в патетическом тоне: в городе душно, скучно, общество ведет тусклую, бессмысленную жизнь, разнообразя ее насилием, развратом и лицемерием. Подлецы сыты и одеты, восклицал он, а честные питаются крохами. нужно, чтобы общество сознало себя и ужаснулось... О женщинах и любви он говорил всегда страстно, с восторгом, хотя ни разу не был

влюблен. Во всех своих суждениях он клал густые краски, только белую и черную, не признавая никаких оттенков. Но общество любило Громова за врожденную деликатность, услужливость, порядочность и безупречную нравственную чистоту...

И однако он попал в сумасшедший дом. Автор передает нам только один факт из жизни Громова, компрометирующий его умственные способности, только один, и притом крайне ничтожный, жалкий. Боясь каких-то мнимых преследований, он однажды вышел из квартиры и, охваченный ужасом, без шапки и сюртука, побежал по улице. Во время рассказа Громов стоит перед нами *физически* больным, но *психически* здоровым человеком. Мы не слышим ни одного извращенного суждения, никаких логических нелепостей. Громов рассуждает с полной ясностью сознания, иногда с поразительной силой здорового, возмущенного чувства. Это фанатик своей идеи, с закваской ратоборца, подвижника. Выкиньте из рассказа случайный эпизод, и вы решительно не поймете, каким образом этот человек с вдохновением, с такими светлыми стремлениями, с такою мятежною силой здорового и беспощадного отрицания, мог очутиться в одной палате рядом с настоящими паралитиками. Но Громов сумасшедший, и все факторы его сумасшествия налицо. Г-н Чехов с безбоязненною откровенностью внушает нам убеждение, что перед нами *психически* ненормальный человек. Рассказывая историю Громова, он раскладывает документы его сумасшествия в таком порядке: во-первых, он говорил всегда громко, горячо, *не иначе*, как негодяя и возмущаясь, *не признавая никаких оттенков*, кладя только две краски, черную и белую, во-вторых, он однажды спрятался в погребе своей хозяйки и затем, без шапки и сюртука, побежал по улице. Других доказательств в рассказе нет. Резкие сектантские суждения, вечно негодующая нота протesta, пламя фанатической страсти во всех словах и *один* безумный поступок — сумасшествие, настоящее сумасшествие! Безумный поступок можно объяснить еще какою-нибудь роковой случайностью, затмением сознания на одну минуту, но чем объяснить безумные речи о скуке жизни, ничтожество окружающих, о развлечении, лицемерии? Их объяснить нечем. Их единственное объяснение — помешательство. Нормальный ум держится во всем середине, играя оттенками, не увлекаясь никакими категорическими положениями, ловко проползая между противоположными крайностями, без всякой помпы, тихо, смирно, скромно, расстроенный ум идет во всем напролом, презирая игру дву-

смысленными словами, стремясь к правде безусловной, окончательной, жадно ища именно последних, крайних выводов. Нормальный ум не станет выкидывать ничего резкого, опасного, ум, расстроенный помешательством, угрожает постоянно всем и каждому своими резкими суждениями, своею готовностью не только защищаться с фанатическим пафосом, но и нападать с неукротимой яростью. И Громов, конечно, сумасшедший — не только по уверенному мнению здравомыслящего писателя, но и по мнению большинства читателей рассказа. Здесь г-н Чехов имеет за себя все бесконечное стадо умеренных русских людей, ведущих бессмысленную, тусклую жизнь, дорожащих оттенками, ненавидящих со всею доступною им искренностью всякие яркие, густые краски, свистящие удары безумной критики, громкий смех сатиры над пошлостью и низостью. Здесь г-ну Чехову полное раздолье: от одного края России до другого ему сочущают повсюду необозримые толпы спокойных, честных людей, делающих свою жизнь по строгим предписаниям нормального, здравого смысла. Г-н Чехов может быть доволен: он не один, его слово найдет себе сочувственный отклик в тысячах сердец, принадлежащих людям с добродушным нутром, с упорядоченными взглядами на скромную задачу человеческой жизни...

Но мы не рады за г-на Чехова. В мещанстве суждений — погибель для таланта, в ничтожестве душевного подъема, в прозаических критериях вульгарного характера — настоящий яд для развития. Некуда идти с душою, закрытою для ярких впечатлений, не откликающиеся ни на какой смелый порыв, ни на какие крики негодования или восторга. Некуда двигаться в литературе с уравновешенными чувствами, с теми принципами нормального, здравого смысла, которые пошлее всякой разнудзанной беспринципности. Мещанство в мыслях пригибает душу к земле, разъедает творческую фантазию. Смелости, нравственной смелости побольше! Сгущайте краски, не заботьтесь об оттенках, судите громко, уверенно, называйте черное черным, а белое белым. Бог не в оттенках, не в условной, временной правде, а в самых ярких красках истины, в правде безусловной, абсолютной.

Громов один из двух главных героев нового рассказа г-на Чехова, Андрей Ефимович Рагин — другой герой его, в котором еще рельефнее выразилась тенденция автора. Рагин — доктор, под наблюдением которого находится палата № 6. У него тяжелая, грубая, мужицкая наружность, неуклюжее сложение, напоминающее трактирщика, глаза маленькие, лицо

покрытое синими жилками, нос красный. Но поступь у него тихая, походка осторожная, вкрадчивая, голос — мягкий, тонкий тенор. Он читает очень много по истории и философии и меньше всего по медицине, читает по несколько часов в день, без перерыва, — не быстро, глотая книги, как некогда читал Громов, а медленно, с проникновением, часто останавливаясь на местах, которые ему очень нравятся или непонятны. Придя домой, Рагин немедленно садится в кабинете за стол и начинает читать... А тут же рядом около книги — графинчик с водкой и соленый огурец. Доктор по профессии, он философ по призванию. «На этом свете все незначительно и неинтересно, — говорит он своему другу, почтмейстеру Михаилу Аверьяновичу, — кроме высших духовных проявлений человеческого ума. Ум проводит резкую грань между животным и человеком, намекает на божественность последнего, служит единственно возможным источником наслаждения... Мне часто снятся умные люди и беседы с ними... Мой отец дал мне прекрасное образование, но под влиянием идей шестидесятых годов заставил меня сделаться врачом. Мне кажется, что если бы я тогда не послушался его, то теперь находился бы в самом центре умственного движения». В беседах на философические темы и в чтении проходит вся жизнь Рагина. Грубое мужицкое лицо доктора озарено улыбкой умиления и восторга перед движениями ума человеческого. Он с лихорадочным любопытством следит за успехами знания, мучается тысячью неразрешимых вопросов о бессмертии, назначении человека. И чем больше он думает, чем глубже вникает в смысл прочитываемого, тем для него становится все яснее и яснее, что жизнь есть досадная ловушка, из которой нет никакого выхода. Зачем он живет? Никто не может дать ответа. Придет смерть, ее нельзя будет остановить. «И вот, как в тюрьме, люди, связанные общим несчастьем, чувствуют себя легче, когда сходятся вместе, так и в жизни не замечаешь ловушки, когда люди, склонные к анализу и обобщениям, сходятся вместе и проводят время в обмене гордых, свободных идей». И чем больше он думает, тем глубже проникает беспристрастным умом в жизнь общества, тем для него становится все очевиднее и очевиднее, что существуют только два блага на земле: свободное, глубокое мышление и полное презрение к глупой суete мира...

Рагин — сумасшедший, находящийся на свободе только потому, что не подошел случай, так сказать, по недоразумению. Тонкими, вкрадчивыми штрихами, рядом самых нежных, почти неуловимых намеков г-н Чехов дает нам понять, что пред

нами помешанный. Красный нос, неизбежный при всех чтениях графинчик водки с кислым огурцом, чересчур тихий детский голос — только внешние, ничтожные подробности. Не в них, конечно, доказательства меланхолического помешательства Рагина. Загляните в его душу, послушайте его речи... В особенности послушайте *серые* споры Рагина с Громовым.

— Мы никогда не споемся, и обратить меня в свою веру вам не удастся, — воскликнул однажды Иван Дмитриевич с раздражением. — С действительностью вы совершенно незнакомы и никогда вы не страдали, а только, как пьяница, кормились около чужих страданий, я же страдал непрерывно со дня рождения до сегодня. Поэтому говорю откровенно: я считаю себя выше вас и компетентнее во всех отношениях. Не вам учить меня.

— Я совсем не имею претензий обращать вас в свою веру, — возразил Андрей Ефимович тихо и с сожалением, что его не хотят понять. — И не в этом дело, мой друг. Дело не в том, что вы страдали, а я нет. Страдания и радости преходящи — оставим их, Бог с ними. А дело в том, что *мы с вами* мыслим, мы видим *друг в друге* людей, которые *способны* мыслить и рассуждать, и это делает нас солидарными, как бы различны ни были наши взгляды. Если бы вы знали, друг мой, как надоели мне всеобщее безумие, бездарность, тупость, и с какою радостью я всякий раз беседую с вами! Вы умный человек, и я наслаждаюсь вами.

Сомнений никаких быть не может: Рагин сумасшедший. Подойдет случай, и он очутится рядом с Громовым. И случай подошел. Последние шесть страниц рассказа написаны с поражающей силою. Все мелочи потрясают своим глубоким трагизмом, беспомощная фигура доктора вырезывается, как живая, на ярком фоне поистине блестящего поэтического искусства. Эти шесть страничек стоят целого десятка современных повестей, рассказов, целой дюжины пасквилянтских романов г-на Ясинского². Отделка языка, смелость подробностей, изображение панического ужаса, вдруг охватившего все существо Рагина перед запертою дверью палаты, злодейская расправа Никиты с Рагиным — все дышит талантом, творческим вдохновением и производит ошеломляющее впечатление. Это страницы, написанные виртуозно, с таким совершенством беллетристической техники, художественной пластики, с такими проблесками психологического анализа, какие среди наших молодых писателей можно было встретить только у покойного Гаршина.

Когда Рагин, подойдя к двери, громко стал требовать, чтобы его выпустили на двор, Никита быстро отворил дверь, грубо, обеими руками и коленом отпихнул Андрея Ефимыча, потом размахнулся и ударил его кулаком по лицу. Рагину показалось, что громадная соленая волна накрыла его с головой и потащила к кровати, и он, точно желая выплыть, замахал руками. В это время Никита два раза ударил его в спину... Затем все стихло. Жидкий лунный свет лился сквозь решетку в душную палату, на полу лежала тень, похожая на сеть. Через несколько минут Рагин вскочил, хотел крикнуть изо всех сил и бежать скорее, чтобы убить Никиту, смотрителя, фельдшера, потом себя, но из груди не вышло ни одного звука, ноги не повиновались. Задыхаясь, он рванул на груди халат и рубаху и без чувств упал на кровать... На следующий день он умер от апоплексического удара. Сначала он почувствовал потрясающий озноб и тошноту. «Что-то отвратительное, похожее на гниющую, кислую капусту и тухлые яйца, проникая во все тело, даже в пальцы, потянуло от желудка к голове и залило глаза и уши... Стадо антилоп, необыкновенно красивых и грациозных, пробежало мимо него. Потом баба протянула к нему руку с заказным письмом. Потом все исчезло, и Андрей Ефимыч забылся навеки...»

Затем, пришли мужики, взяли его за руки и за ноги и отнесли в часовню... Так покончил с своим героям автор. Хотя Рагин и рассуждает умно, симпатично, но он все-таки помешанный. Он не имел склонности к практической деятельности, утверждал, что в этом мире все незначительно и неинтересно, кроме обмена гордых, свободных идей между мыслящими людьми — значит, он сумасшедший! Кто всю жизнь философствует и разум ставит выше всего на свете, не может быть назван нормальным человеком! А Рагин только то и делал, что рассуждал, мыслил, философствовал...

И опять-таки, на стороне г. Чехова в этом пункте тысячи единомышленников, вся толпа читателей, воспитанная в реалистическом направлении, все знаменитые и незнаменитые, даровитые и бездарные носители журнальных знамен, все воинствующие патриоты русской печати. Г-н Чехов ударил по открытому, совершенно беззащитному нерву русской жизни, и тихий, осторожный смех его над собственным философствующим героем сольется с громким, раскатистым хохотом над философствующими людьми всей разнужданной интеллигентной черни. России не нужны мыслители, посвящающие жизнь науке, философии, разработке высших вопросов знания. Всякая

отвлеченная мысль, которой нельзя перевести сейчас же в какое-нибудь практическое дело, «противоречит прогрессу»! Все, что не служит сегодняшнему дню, нереально, бесплодно, реакционно! Сапожник, один только сапожник имеет в руках своих положительное гражданское дело, и только в процветании сапожного искусства заключаются все условия нормального развития русского общества... Шире дорогу, дорогу сапожнику, сапожник идет!.. Но мы не радуемся этому единомыслию молодого, талантливого писателя с русскою читающею публикою. В мещанском взгляде на философствующих людей кроется ложь, опасная для развития таланта, внутренних, душевных сил, ложь, унизительная для нравственного и умственного достоинства человека. Нельзя писателю не видеть и не знать истинных потребностей всякого общества. Нельзя писателю не понимать, что мысль человеческая сама по себе, если только она проникнута, искренним увлечением, есть уже настояще великое дело. Ничто не может сравниться с деятельностью людей науки и философии. Ничто не имеет такого важного исторического значения, как разработка метафизических и нравственных вопросов, в частных ли разговорах или в печатных сочинениях. Идеи управляют миром, и смена самых отвлеченных философских систем всегда порождала резкий перелом в развитии человечества. России нужны философы, которых у нее еще до сих пор не было. России нужны именно люди мысли бескорыстной, высокой, направленной на вечные вопросы науки, морали. *Просвещение* нужно России — прежде всего, раньше всего.

Единомыслие г-на Чехова с толпою в двух важных пунктах его рассказа нас огорчает и пугает. Было бы лучше, если бы эта толпа свистала, шикала, если бы г-н Чехов разошелся с господствующею в нашей жизни пошлюю рутиною, если бы он оказался на той духовной и умственной высоте, на какую призывают голос времени все молодое литературное поколение России.

IV

Новая повесть г-на Чехова «Рассказ неизвестного человека» не отличается такими выдающимися художественными достоинствами, как «Палата № 6», но и она написана не без литературного таланта. Отдельные сцены, обрисовка некоторых фигур, отрывочные, мелькающие замечания от лица автора, производят хорошее впечатление. Г-н Чехов, по-видимому, внимательно приглядился к некоторым сторонам столичной

жизни и воспроизвел их в своем рассказе правдиво, просто, кой-где, в отдельных местах, не без некоторой рельефности. Вы видите этих развратных жуиров, делающих, несмотря на совершенную душевную пустоту, на отсутствие всяких серьезных дарований, на полное ничтожество характера, очень видную служебную карьеру. Вы видите их в домашнем быту, за чайным или карточным столом, слышите их цинически пикантные разговоры о женщинах, о любви, дилетантскую болтовню о литературе, об обществе. Вы с отвращением следите за их поступками и, дочитав рассказ до конца, спешите скорее освежиться на чистом воздухе или изгнать полученное впечатление настоящею человеческою беседою с какой-нибудь другой книгою... Детали, аксессуары, все второстепенные части рассказа отмечены умом и дарованием, но его главный замысел, идея, художественная концепция — бледны, фальшивы, поражают своею вымученностью. Герой рассказа, интеллигентный человек, переодетый лакеем — очерчен очень туманно и с внешней, и с внутренней стороны, дрожащими, неясными линиями, которые недерживаются в памяти: его фигура, психология, смысл занятого им положения окутаны туманом, и ни разу не выступает перед нами в полном освещении. Чиновник Орлов, в доме которого происходит важнейшая часть описываемой истории, — образ слишком знакомый, почти затертый в русской литературе, без единой оригинальной черты, принадлежащей автору. Зинаида Федоровна Красновская, героиня рассказа, — обычная петербургская интеллигентная женщина, не возведенная автором на высоту художественного типа...

Содержание рассказа может быть передано в немногих словах. Один неизвестный человек, от имени которого написана повесть, должен был поступить в лакеи к петербургскому чиновнику Георгию Ивановичу Орлову — не ради него самого, а ради его отца, известного государственного человека, в расчете, что, живя у сына, он по разговорам, которые услышит, бумагам и запискам, какие будет находить на столе, в подробности изучит планы и намерения отца. Но расчеты, «неизвестного человека» не оправдались. Орлов оказался чиновником совершенно другого, чем он ожидал закала: в его беседах с людьми, в собственных бумагах и письмах нельзя было найти ни единого интересного намека. В одиннадцать часов утра в лакайской трещал электрический звонок, давая знать, что Орлов проснулся, и переодетый лакеем дворянин спешил в спальню с вычищенным платьем и сапогами. Через некоторое время Орлов шел в столовую пить кофе, читать газету и затем,

в первом часу, он с выражением иронии брал свой портфель, набитый бумагами, и уезжал на службу. Обедал Орлов либо в трактире, либо у знакомых и возвращался домой обыкновенно после восьми. «Я зажигал в кабинете лампу и свечи, а он садился в кресло, протягивал ноги на стул и, развалившись таким образом, начинал читать». Так проходила жизнь в доме Орлова изо дня в день, исключая четвергов: по четвергам у Орлова бывали гости, играли в карты и велись очень шумные беседы о религии, философии, о любви и женщинах.

Через несколько недель после того, как «неизвестный человек» поступил к Орлову, в жизни петербургского чиновника произошла очень важная перемена: к нему переехала Зинаида Федоровна Красновская. Она разошлась с мужем, чтобы жить с тем, кого она так безумно любила. Муж давно уже подозревал ее, но избегал объяснений. Между ними бывали ссоры, но обыкновенно он в самый разгар их внезапно умолкал и уходил к себе в кабинет, чтобы в запальчивости не высказать своих подозрений. Зинаида Федоровна чувствовала себя виноватой, ничтожной, неспособной на серьезный шаг, и от этого она с каждым днем все сильнее ненавидела себя и мужа и мучилась, как в аду. Но вдруг она не выдержала и высказала ему всю правду. «Нет, пора, пора взяться за ум и порвать навсегда с этими людьми и порядками, иначе и не увидишь, как пройдут лучшие годы и тот же кумир, которому ты служила, оглянется и насмешливо покажет тебе язык!» Она сказала мужу, что любит другого и живет с ним больше полугода, что это ее настоящий законный муж, и что она считает долгом совести сегодня же переехать к нему, несмотря ни на что, хотя бы в нее стреляли из пушек...

Отношения между Орловым и Красновской образуют главную интригу рассказа. Г-н Чехов сумел очень недурно оттеснить несчастное положение женщины, искренне влюбленной, решившейся на смелый поступок — в руках такого человека, как Орлов. На многих страницах автор дает нам довольно реельфную картину униженного положения своей героини и вводит нас в хорошо знакомую психологию женской ревности, женских слез и горя. Орлов не ожидал, что отношения его к Красновской могут принять такой серьезный оборот, и с первого же дня ее переезда к нему стал тяготиться непривычным для него положением семьянина. Можно скрывать свои истинные чувства месяц, два, можно известное время притворяться довольным новыми условиями жизни, но вечно скрывать, вечно притворяться — нет ни сил, ни охоты. Орлову нужна была

интрига с замужней женщины, но не любовь, любовница, а не жена. И он решил как-нибудь покончить с тем, что было для него невыносимо.

Тут-то «неизвестный человек» решил выйти из своего тяжелого положения. Он в кратких, но патетических словах объясняет Зинаиде Федоровне все проказы Орлова, убеждает ее бежать, как можно скорее, ради ее человеческого достоинства. Он раскрывает ей тайну своего положения у Орлова и нежно просит ее довериться ему.

— Доверьтесь мне, прошу вас, — говорит он ей. — В Петербурге у вас нет ни одной родной души, но зато есть верный, преданный слуга. Ведь вы позволите мне так называть себя? Умоляю вас, не возвращайтесь к этим людям! Нехороший, гнилой здесь воздух! Этим истасканным джентльменам нужны вы только, когда они наиболее расположены к любовным излияниям и бывают в ударе. Тут вы нужны только тогда, когда бываете нарядны, остроумны, фальшивы и ловко обманываете вашего мужа, а порыв, чистота, ясный ум, честные взгляды — все это тургеневщина, плохие повести, это скучно и мешает жить... Подальше от них! Оставьте этих несчастных, чуждых вам людей, и пойдемте в иную среду. Там займете вы положение, достойное вас...

И они уехали оба через несколько дней за границу: она с жаждой отомстить этому проклятому и развратному Петербургу, он с страстью надеждой на новую, обыкновенную, обывательскую жизнь. Это было для Зинаиды Федоровны ее последним смелым поступком, последним ее несчастием: идя за тем, кто давно уже сам изверился в своих богов, она опять-таки обрекала себя на униженное положение простой любовницы...³

Рассказ кончается драматической смертью Красновской.

Таково содержание этой новой повести г-на Чехова, напечатанной в февральской и мартовской книгах «Русской мысли». Читатель недоумевает. Зачем было «неизвестному человеку» переодеваться в лакея, если уже с первой страницы рассказа ясно, что мировоззрение его переменилось, что им овладела страстная, раздражаящая жажда обыкновенной жизни, душевного покоя, здоровья, сътости? В чем, собственно, заключалось мировоззрение этого «неизвестного человека»? Какие психологические мотивы заставили его прибегнуть к лганью, когда он убеждал Красновскую пойти с ним в среду, с которой сам уже не имел ничего общего? Кто такая Красновская? Каким образом в ее обыкновенную, обывательскую любовь, нежданно-негаданно замешались какие-то высшие идейные эле-

менты? Ничто не объяснено, не мотивировано, вся драма построена фальшиво, произвольно, туманно. «Незнакомый человек» бледен, неясен, вульгарен, Зинаида Федоровна — плохое подражание тургеневским женщинам, и вообще — от всего рассказа веет ограниченностью знаний, неподготовленностью, а быть может, и неспособностью к широкому и вдумчивому анализу русской жизни.

